

УДК 94(100)|1914/1918|327(470+571)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЯ (о некоторых уроках событий вековой давности)

А. А. Герман

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.a.german@mail.ru

Анализируя многие события и явления, происходившие в ведущих странах мира, и прежде всего в России, накануне, в ходе и по окончании Первой мировой войны, автор обозначает и исследует с непривычного ракурса ряд актуальных для сегодняшнего дня проблем того времени, связанных с международной и внутренней безопасностью России.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, имперский национализм, амбиции политических элит, международные отношения, свержение монархии, уроки войны, последствия версальского договора.

World War I and Russia (on Some Lessons of Century-old Events)

A. A. German

Arkady A. German, ORCID 0000-0001-7571-7645, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, a.a.german@mail.ru

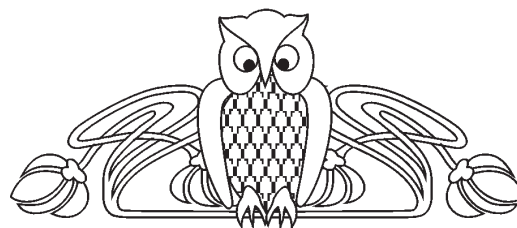
Analyzing many events and phenomena that occurred in the leading countries of the world, and, first of all, in Russia, before, in the course of, and after World War I, the author raises and explores a number of problems of that time which are still urgent today and connected with international and domestic security of Russia.

Key words: World War I, Russia, imperial nationalism, ambitions of political elite, international relations, overthrow of monarchy, war lessons, consequences of the Versailles Treaty.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-23-34

Больше столетия прошло с начала Первой мировой войны. В этом году исполнится 100 лет со дня ее окончания. Тем не менее многие события в России и мире, связанные с той войной, вызывают пристальный интерес и сегодня, а специалистам, глубоко вникающим в их суть, становятся видны и понятны многие сюжеты той далекой истории, позволяющие найти их связь с современной жизнью России и ее безопасностью в контексте мирового развития.

Мировое развитие во второй половине XIX – начале XX в. превратилось в борьбу, своеобразное соревнование ведущих государств мира за захват еще имевшихся на планете свободных территорий и включение их в свои колониальные владения, за преобладающее влияние на формально независимые, но слабо развитые страны. Как известно,

эта погоня стала следствием бурного развития капитализма в этих странах, его перерастания в монополистическую стадию, требовавшую приобретения и расширения гарантированных рынков сбыта товарной продукции и капитала. К началу XX века мир был в основном поделен, но не все мировые державы были этим разделом довольны. Неравномерность в колониальных приобретениях, а также мощная экономическая конкуренция различных государств обусловила их борьбу между собой за передел мира. В Европе к отмеченным выше факторам присоединялись и многие застарелые противоречия между отдельными государствами. В результате там сформировались две военно-политические коалиции конкурирующих государств: Антанта и Тройственный союз, начало развиваться блоковое мышление¹.

Лидеры государств, господствовавшие там политические и военные элиты в качестве одного из главных инструментов реализации своих экспансионистских целей считали войну, а потому активно наращивали свой военный потенциал. Между тем научно-технический прогресс привел к кардинальным изменениям в средствах вооруженной борьбы в сторону колоссального усиления роли техники, что, в свою очередь, повлияло на способы ведения вооруженной борьбы, на сам характер войн.

Вряд ли руководители государств, политики, военные не понимали, что войны теперь становились массовыми и вовлекали в себя в качестве военнотружущих значительную часть населения страны. В ходе и после Русско-японской войны этот факт отмечали многие, в том числе и лидер русских большевиков В. И. Ульянов (Ленин), будущий руководитель большевистской России. «Войны теперь ведутся народами», – писал он в начале 1905 г.² Массовость войн, их коалиционный характер привели к многократному росту размеров театров военных действий, к необходимости вовлечения в войну огромных ресурсов государства. Интенсивное применение в войне боевой техники, особенно артиллерии и автоматического оружия, не могло не привести к огромным людским и материальным потерям. Это также не могли не понимать те, кто определял внешнюю политику ведущих государств мира.

Чем же тогда объяснить действия этих людей, их нежелание понять и просчитать все возможные, в том числе и для себя, неблагоприятные последствия крупных коалиционных столкновений? Вопрос представляется чрезвычайно актуальным

и в современных условиях, несмотря на существенно изменившиеся условия международной жизни. Однозначного ответа на этот вопрос, по-видимому, нет.

Важным фактором пренебрежения возможными негативными последствиями войны был имперский национализм, облекавшийся в определенное идеологическое оформление и формировавший специфический способ имперского мышления («Над Британской империей никогда не заходит солнце», «Историческая задача германской нации может быть решена только мечом», «Москва – Третий Рим» и т. п.). Такое мышление, пронизывая сознание правящих политических элит и подпитываясь их экономическими интересами, порождало определенное национальное высокомерие, эгоизм, бескомпромиссность в отстаивании своих интересов, а вместе с ними и политическую слепоту, глухоту и невосприимчивость к другому мнению. Эти восторжествовавшие качества национальных правящих политических элит мешали им адекватно и объективно оценивать реальную обстановку, особенно степень готовности своей страны к войне и возможные негативные последствия ее развязывания.

Однако нельзя не отметить, что почти в каждой стране, готовившейся к войне, в высших политических кругах не было полного единства. Часть элиты, к сожалению меньшая, пыталась сопротивляться такой политике, понимая, какие непоправимые последствия она может принести. Были государственные и общественные деятели, предупреждавшие о возможной катастрофе втягивания страны в войну. Это приводило к столкновениям внутри элит, в которых имевшая большинство «военная партия» либо игнорировала своих оппонентов, либо старалась исказить их позицию и дискредитировать их лично. В отдельных случаях нагнетавшаяся ура-патриотическая истерия приводила к убийству активных противников войны³.

В России категорическими противниками втягивания страны в любую войну были выдающиеся государственные деятели, внесшие огромный вклад в ее модернизацию и процветание, – С. Ю. Витте и П. А. Столыпин. Особенно безрассудным они считали вступать в войну с Германией, которая была лидером индустриального роста в мире и на которую приходилось около половины внешней торговли России⁴.

Еще дальше пошел в своих суждениях известный российский консерватор и монархист П. Н. Дурново, который в записке, направленной в феврале 1914 г. императору Николаю II, прямо отмечал, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств»⁵. Записка эта сегодня достаточно известна благодаря тому, что практически все предсказания ее автора относительно возможных трагических последствий вступления России в во-

йну (падение монархии, смута, революция и др.) сбылись с удивительной точностью.

П. Н. Дурново не был оракулом, но как думающий человек он смог спрогнозировать развитие событий, исходя из уже приобретенного Россией печального опыта. Российская колониальная экспансия на Дальнем Востоке, попытка утвердиться в Китае и Корее привели к военному столкновению с Японией и проигрышу в войне, который, в свою очередь, резко обострил начавшееся революционное брожение в России.

К сожалению, в 1914 году либерал С. Ю. Витте и консерватор П. Н. Дурново были уже не в авторитете, а государственный П. А. Столыпин был убит эсерами еще в 1911 году. В период от событий в Сараево до открытия военных действий, политические и военные меры принимались российским руководством практически единодушно без каких-либо серьезных сомнений и противоречий. Едва ли не самым сомневающимся в этот период был император Николай II.

В Германии и Австро-Венгрии в государственном руководстве также безраздельно господствовали сторонники решительных действий. Наиболее твердым сторонником умеренных действий во внешней политике, вынашивавшим идею устранения межнациональных противоречий в стране путем превращения монархии Австро-Венгерской в Австро-Венгерско-Славянскую, был убитый в Сараево Франц-Фердинанд. Этот факт за прошедшие сто с лишним лет породил немало версий о причастности к его убийству не только сербских националистов⁶.

Из приведенных фактов следует, что пути к войне у ее сторонников в разных странах были свои, однако итог оказался общим: они одержали победу.

Нельзя не отметить и тот факт, что победе милитаристских сил, втянувших страны и народы в первое мировое побоище, способствовали неразвитость и несовершенство международного права в начале XX века, отсутствие единой системы коллективной международной безопасности, авторитетных и влиятельных международных организаций, которые могли бы объединить усилия государств и народов по предотвращению войны.

Международно-правовое регулирование фактически не функционировало. Не было правовых основ действия его механизмов. В межгосударственные соглашения можно было вкладывать любое приемлемое для договаривающихся сторон содержание. Такими договорами оформлялись сделки между ведущими державами по захвату новых владений и установлению колониальной и полуколониальной зависимости⁷.

Британский юрист Г. Дженкинс отмечал, что для того времени были характерны разработка и применение норм международного права только в отношении к христианским странам Европы и Америки. Если же какие-то из норм можно было применить к другим странам, то они применялись с существенными трансформациями⁸.

Таким образом, международное право было не универсальным, а исключительным, служило, прежде всего, интересам колониальных держав, огромная часть территорий и населения Земли не попадали под него.

В самом конце XIX века, когда гонка вооружений и политические амбиции многих государств приняли уже угрожающий для мира характер, Россия, которая была тогда едва ли не единственным государством, пытавшимся бороться с военной угрозой как таковой в целом, выступила инициатором проведения первой конференции по международной безопасности, которая состоялась в Гааге с 6(18) мая по 17(29) июля 1899 г. Как отмечал российский делегат конференции, видный юрист и дипломат Ф. Ф. Мартенс, Россия хотела, с одной стороны, на основе взаимоуважительного обсуждения споров и условий ограничения вооружений не допустить войны. С другой стороны, инициировались нормы, позволявшие в международно-правовом плане поставить войну, если она все же возникнет, в ограниченные рамки с точки зрения общего гуманизма и безопасности народов⁹.

В работе конференции участвовали представители 26 стран, включая все страны, иницировавшие в то время своей международной политикой угрозу войны. Однако именно эти страны (особенно Германия и Франция) демонстрировали на конференции едва ли не открыто свой скептицизм и негативное отношение к целям и задачам конференции. В результате не удалось договориться о сокращении вооружений и военных бюджетов или хотя бы об их мораториальной фиксации на уже имеющемся уровне. Было лишь выражено пожелание такого сокращения, но в реальности оно не было воплощено в жизнь.

Из 6 принятых на конференции документов (3 конвенции и 3 декларации) лишь один (конвенция «О мирном решении международных столкновений») был направлен на предотвращение войны. На ее основе было принято решение о создании третейского суда. Международный суд (в Гааге) действует и поныне.

Все остальные документы регулировали лишь те или иные стороны ведения самой войны (конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», декларация «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов» и др.)¹⁰.

И все же первая конференция в Гааге имела большое значение для укрепления международной безопасности. Впервые на таком высоком межгосударственном уровне были рассмотрены и обсуждены практические меры по уменьшению угрозы развязывания войны: сокращение военных бюджетов, запрещение отдельных видов оружия, систематизация и кодификация гуманитарного права, использование посреднических механизмов. К сожалению, осознание важности обсуж-

давшихся вопросов у многих государственных мужей тогда еще не наступило. Потому-то и не удалось остановить ни войну Великобритании с Трансваалем и Оранжевой республикой, ни войну России и Японии, ни Балканских войн, ни Первой мировой войны.

Идея ограничения гонки вооружений не прошла. Однако была осуществлена кодификация законов и обычаев войны. На второй Гаагской конференции мира (1907 г.) она получила дальнейшее развитие.

Международное право начала XX века, отражая реалии своего времени, предоставляло широкие возможности для применения силы, война считалась законным средством политики. Существовало серьезное расхождение международного права с имевшими тогда место представлениями о справедливости и морали. Правовое регулирование только начинало еще выделяться в самостоятельный вид регулирования международных отношений. Часто оно смешивалось с другими видами регулирования: политическим, религиозным и т. п. Не удалось создать приемлемый механизм действия международного права, который бы мог работать на основе реализации его норм через действие определенных норм национального права¹¹.

Политическое мышление не доросло до понимания нового положения вещей, что лишь при постоянных координирующих усилиях государств можно добиться непротиворечивости совместного нормального функционирования международной и национальных систем права. Государственные и общественные деятели, политики, юристы, экономисты и др. оказались неготовы к эффективному управлению системой международных отношений. Им не удалось создать систему мирного самоограничения амбиций национальных государств через активное участие в универсальных международных организациях невоенной направленности: по безопасности, экономических, гуманитарных, культурных и др.

Кроме того, имело место и определенное игнорирование или нарушение различными государствами уже имевшихся норм международного права. Практически во всех войнах и конфликтах XX века, предшествовавших Первой мировой войне, фиксировались те или иные нарушения правил ведения войны, выработанных гаагскими конвенциями, декларациями, другими документами международного права. Особенно распространенным нарушением было использование запрещенного оружия и боеприпасов, уничтожение гражданских объектов или нанесение им существенного вреда.

В этом видится одна из важных причин возникновения Первой мировой войны. Отсюда представляется, что приоритетным в международном праве должна быть разработка нормативно-правовых актов, направленных на недопущение и предотвращение войны, а в реализации между-

народного права важны уважительное отношение к международным договорам и организациям, реализующим принцип международной коллективной безопасности, четкое и точное выполнения своих обязательств в существующей системе международных отношений.

В начале XX века человечество еще не осознало, что мир – эта главная универсальная ценность его бытия. Вся предвоенная политика ведущих мировых держав объективно создавала общие благоприятные условия для возникновения крупной войны европейского или даже мирового масштаба. Такая политика уже перед большой войной спровоцировала в различных частях планеты ряд локальных войн (американо-испанскую, уже упоминавшиеся англо-бурскую, русско-японскую, балканские и др.), череду военных конфликтов и кризисов. Количественное накопление локальных войн и конфликтов неминуемо рано или поздно должно было вылиться во взрыв международного масштаба. В погоне за реализацией имперских идей осторожность отошла на второй план.

Чрезвычайно взрывоопасным регионом стали Балканы, где в ходе раздела османского «наследства» завязался тугий узел глубоких противоречий. Не без основания Балканы называли «пороховым погребом» Европы. С одной стороны, в регионе сталкивались интересы крупных держав Европы (Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, России и др.), с другой – существовали жесткие противоречия между молодыми балканскими странами, обусловленные не только конкретными политическими и иными интересами, но и своеобразием менталитета балканских народов. Поэтому далеко неслучайным выглядит тот факт, что начало войны связано с Балканами.

Представляется, что убийство наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его супруги в Сараево 28 июня (11 июля) 1914 г., последовавшие за этим активные дипломатические демарши, конкретные решения руководителей европейских держав, их практические действия, открывшие дорогу войне, также нуждаются в осмыслении на предмет извлечения из них уроков для современной системы международной безопасности и российской внешней политики.

В этом комплексе проблем несомненно важнейшим является решение России о поддержке Сербии в ее противостоянии с Австро-Венгрией, приведшее к объявлению ей войны со стороны Германии. Этот шаг России обуславливался тесным переплетением многих мотивов: политических, конфессиональных, культурно-исторических, экономических и др. Очень важно понять, насколько адекватным был этот шаг в сложившихся тогда условиях и были ли просчитаны и учтены все его возможные последствия. Для этого необходим краткий экскурс в историю российско-сербских отношений в предвоенные годы¹².

Балканский регион с его славянским населением притягивал к себе Российскую империю еще

с XVIII в. Он занимал одно из приоритетных мест в ее внешней политике. Из молодых балканских стран наиболее перспективным виделось сотрудничество с Сербией. Идея панславизма, воспринятая обществом, способствовала одобрению политики государства на Балканах. В то же время и симпатии к России в балканских странах во многом формировались благодаря пророссийской политике их правящих династий.

После событий 1875–1878 гг. династия Обреновичей в Сербии переориентировалась на Австро-Венгрию, началось развитие государства по западноевропейской модели, что привело к общественному расколу внутри страны. Традиционалисты в лице радикалов, поддерживаемые большинством общества, выступили против сближения с Веной и настаивали на продолжении старой политики. Они стали силой, на которую Россия могла опираться.

Политика России в отношении Сербии в то время отличалась большой осторожностью. Она не хотела разогреть внутренний конфликт, чтобы не дать повода для вмешательства Австро-Венгрии.

Но конфликт разрастался сам по себе, поскольку король в ущерб скупщине постоянно расширял свои полномочия, ущемляя интересы нарождавшейся сербской буржуазии, а следовательно, и тормозя экономическое развитие страны. Он восстал против себя армию, являвшуюся одним из наиболее активных институтов государства и пытавшуюся играть роль самостоятельной политической силы. Военные начали подготовку государственного переворота.

Руководство Российской империи, тайно проинформированное о готовящемся перевороте, выразило свое негативное отношение к нему, но дальше предпочло занять роль наблюдателя. Переворот произошел в ночь на 29 мая (10 июня) 1903 г. Не может не потрясти жестокость и цинизм, с которым он был совершен. После того как короля и королеву изрешетили пулями, их обнаженные, изуродованные трупы были выброшены заговорщиками из окна в дворцовый сад, где пролежали до утра, после чего без каких-либо церемоний были захоронены. Естественно, что эти события не смогли никого в Европе и России оставить равнодушными. Реакция на них конечно же была негативной¹³.

Россия попала в трудное положение: демонстративно-жестокая расправа с монархом в высших сферах монархической России вызывала вполне понятное неприятие. Однако признание нового режима в Сербии позволяло России укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Кроме того, свою «младшую сестру» просто невозможно было оставить без поддержки в трудную минуту. И Россия признала власть нового короля Петра Карагеоргиевича.

Сербы воспринимали Российскую империю как защитницу и покровительницу, но достаточ-

но утилитарно. С помощью России нужно было освободиться от австро-венгерской зависимости и решить главную национальную задачу – создать Великосербию, включив в нее все сербские территории. Наиболее ярко эту позицию выразил лидер радикалов Н. Пашич. Он четко дал понять российским покровителям, что Сербия никогда не поступится своей политической независимостью¹⁴. Сербское понимание «дружбы» с Россией, как видим, существенно диссонировало с российскими целями на Балканах.

Российская печать всех политических направлений обеспечила государственному курсу широкую общественную поддержку. Не только государство, но и практически все российское общество признало переворот в Сербии.

Естественно, что переориентация Сербии на Россию вызвала негативную реакцию и определенные санкции со стороны Австро-Венгрии, которые с помощью «старшей сестры» удалось достаточно благополучно преодолеть. Были преодолены санкции и других европейских стран, которые в конечном счете также вынуждены были признать новый режим. Однако после кровавого переворота Сербия на долгие годы потеряла свой международный престиж. На нее обрушилась жесточайшая критика мирового общественного мнения. Ее репутация опустилась до самого низкого уровня. Она стала своеобразным государством-изгоем.

В этих условиях сербы постепенно приобрели уверенность, что оказываемая Россией в трудную минуту помощь и поддержка – это ее своеобразная моральная обязанность. Поэтому не все в сербском обществе правильно поняли критику Россией переворота и его аморальности. В самом сербском обществе моральное осуждение жестокости и варварства совершенного переворота не получило большого развития.

С того периода во взаимоотношениях обоих государств явно проявляется некоторая идеологическая сентиментальность, наложившаяся на благоприятную почву в российском обществе. «Старшей сестре» России приходилось брать на себя ответственность за свою «младшую сестру» Сербию. Эта благопристойная идеологическая картинка постепенно становилась стереотипом и подменяла в общественном сознании реальную картину отношения Сербии и сербов к России, которая была далеко не столь благой.

В целом, поддержав Сербию, основные политические силы России все же вынуждены были как-то выразить свое отношение к варварской смене династий. Леворадикальным кругам не надо было поступаться принципами, поскольку сербские события вписывались в их революционные теории. Они обходили оценку моральных аспектов переворота и в целом оправдывали произошедшие события революционной целесообразностью. Либералы, признав новую власть, тем самым принесли в жертву конъюнктуре свои принципы защиты законности и прав каждой отдельной личности.

Труднее всего было выпутываться из сложившейся ситуации консерваторам-монархистам, поскольку убийство короля никак не вписывалось в теоретическую концепцию о роли законного правителя, тем более что его убийцы вошли в круг новой власти. Произошедшее объяснялось различием национальной психологии русских и сербов, утверждалось, что в России такой вариант событий невозможен¹⁵.

Признав переворот и взяв под защиту новую власть Сербии, Россия нанесла себе существенный моральный урон. Идея неизменности монархии, а значит и сакральности императорской власти в России ощутимо потускнела. Трудно не увидеть связь между «соглашением с совестью» монархистов и либералов в отношении сербских событий 1903 г. с тем, что произошло в 1917–1918 гг. в России¹⁶.

Открытая защита новой власти в Сербии и покровительство ей не могли не повлиять на международный авторитет России. Кроме того, напористо наращивая свое присутствие на Балканах, правящие круги России не могли не понимать, что вытеснение Австро-Венгрии из Сербии будет обязательно иметь далеко не доброжелательную реакцию со стороны последней и ее союзников. Оно не могло остаться без ответа и для Сербии, и для стоящей за ней России. Таким образом, вероятность столкновения двух европейских коалиций существенно возросла.

Нельзя не заметить неизменное желание российской печати, следовавшей в русле панславизма, показать доброжелательность сербов к России. В течение многих лет они создавали упрощенную и примитивную картину российско-сербских отношений, отодвигая внутренние противоречивые, а порой и совсем не корректные по отношению к России события в Сербии далеко на задний план, либо вообще умалчивая о них¹⁷. Формировалась иллюзия внутренней стабильности в Сербии после переворота, образа мудрого и верного России сербского короля. В результате российское общественное сознание все больше воспринимало обязательство помогать Сербии как некую фатальную необходимость, а инстинкт общественного самосохранения притуплялся.

В конечном итоге такая тенденция сыграла роковую роль в июле 1914 г., кардинально повлияв на решение о военной поддержке Сербии в ее конфликте с Австро-Венгрией. Следует отметить, что имевшиеся у российского императора колебания по поводу выбора варианта действий еще возможно могли бы привести к принятию другого, более осторожного решения, однако сформированное многими годами и господствовавшее в обществе просербское общественное мнение, в дни кризиса сросшееся с массовым агрессивным патриотическим угаром, оказывало на него беспрецедентное давление, идти против которого решимости не хватило, а возможно и не было.

Отмеченное выше можно проиллюстрировать мнением генерала А. А. Брусилова. Оно представляется преувеличенным, но весьма симптоматичным: «Обвинять Николая II в этой войне нельзя, так как не заступиться за Сербию он не мог, ибо в этом случае общественное негодование со стихийной силой сбросило бы его с престола, и революция началась бы, с помощью всей интеллигенции, не в 1917, а в 1914 году»¹⁸.

Безоглядная защита Сербии в ущерб собственным интересам не спасла Сербию от оккупации, но втянула Россию в мировую войну, ставшую для российской монархии путем к гибели, а для общества началом небывалого раскола и междоусобиц. Память о тех июльских днях, когда принимались судьбоносные для страны и мира трагические решения, несомненно, должна сохраняться.

Говоря о внешней политике России накануне войны и стремлении некоторых ее руководителей расширить территорию России за счет Австро-Венгрии, Германии, Турции, следует отметить, что уже тогда отдельные российские политики дальновидно предупреждали о пагубности такого пути для многонациональной страны с нерусскими окраинами.

Приращение территории России за счет германских земель, населенных поляками, неминуемо вело бы к консолидации польского населения и усилению его борьбы за независимость или в лучшем случае за широкую автономию. Захват прилежащих к России турецких территорий, населенных армянами, также неизбежно поставил бы вопрос о предоставлении независимости Армении.

Уже упоминавшийся П. Н. Дурново в своей знаменитой «Записке» поднимал еще одну подобного рода важную проблему – проблему Галиции (т. е. части Западной Украины, находившейся тогда в составе Австро-Венгрии), которая при взгляде на ситуацию в современной Украине выглядит удивительно актуальной: «Совершенно то же и в отношении Галиции. Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспоконных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров»¹⁹.

Во всех описанных случаях приобретение Россией новых соседних территорий вело бы не к укреплению ее международной безопасности, а лишь порождало бы новые серьезные проблемы национализма и сепаратизма.

В 1939–1940 гг. СССР все же присоединил к себе Западную Украину, Западную Белоруссию, вошедшие после Первой мировой войны в состав независимой Польши, а также и прибалтийские государства, ставшие независимыми одновременно с Польшей. В результате получил «головную боль» на многие десятилетия. Эти территории так и остались чужеродными. В годы Великой Отечественной войны значительная часть их населения либо сотрудничала с оккупантами, либо сопротивлялась как нацистскому режиму, так и Красной армии. После войны в течение 10 и более лет в этих районах шла национальная повстанческая борьба против советской власти за независимость. Прибалтийские республики, как только позволили обстоятельства, первыми покинули СССР, а западноукраинский агрессивный национализм в единой независимой Украине фактически стал господствующей идеологией.

В целом анализ международных отношений в предвоенный период многократно подтверждает хорошо известную истину о том, что принятие решения о вступлении государства в войну, требует величайшей ответственности, всесторонней и объективной оценки ситуации, учета и глубокого научного анализа всех возможных последствий, всех предлагающихся мнений по этому вопросу, без давления каких-либо идеологических схем, субъективных пристрастий и антипатий.

* * *

С началом войны и развертыванием ожесточенных сражений на фронтах и театрах военных действий судьба международной безопасности лишь минимально испытывала влияние дипломатии и практически полностью переместилась в сферу действий факторов войны. В определяющей степени она стала зависеть от экономического и военного потенциала стран-участниц и военных коалиций, подготовленности государств к войне, численности армий и уровня их оснащения новейшими средствами борьбы, профессионального мастерства военных, наличия и состояния стратегических резервов, степени согласованности военных действий стран внутри коалиций и от многих других факторов. Следовательно, и уроки, извлекаемые из действия этих факторов в годы войны, также лежат в основном в сфере военной безопасности и военного искусства и потому в статье не рассматриваются²⁰.

Неопределенность перспектив войны и рост внутривойсковой нестабильности подталкивали представителей правящих элит воюющих держав к зондажу возможностей для заключения мира. Таких открытых и тайных зондажей и переговоров в годы войны оказалось немало, причем их инициаторами в большей мере являлись руководители центральных держав, особенно Австро-Венгрии, что было связано как со внутренними сложностями, так и с быстрым исчерпанием стратегических ресурсов для продолжения войны.

Наиболее характерной в этом плане стала выдвинутая Берлином 12 (25) декабря 2016 г. в специальной ноте инициатива центральных держав немедленно приступить к мирным переговорам. Однако отсутствие конкретных предложений и декларативность текста ноты, а также факт выступления с предложениями сразу после разгрома Румынии способствовали тому, что страны Антанты отреагировали на германскую ноту негативно, не без основания полагая, что цель появления этой ноты – не столько в миротворчестве, сколько в попытке разобщить союзников.

Когда спустя 6 дней президент США В. Вильсон выступил со своей мирной инициативой, запросив воюющие стороны, на какие условия завершения войны они согласны, обе воюющие стороны представили предложения, заведомо неприемлемые для противоборствующей стороны, а страны Антанты, особенно Великобритания, подчеркивали свою решимость продолжать боевые действия до тех пор, пока не будут наказаны виновники войны²¹. Эта внешне благородная позиция в реальности предполагала продолжение войны со всеми ее разрушительными последствиями только для того, чтобы иметь возможность навязать побежденным свои условия, что в конечном итоге и произошло.

Отмеченные факты позволяют заключить, что даже спустя два с половиной года после начала войны, несмотря на ее жестокость и кровопролитность, на огромный урон, понесенный участниками коалиций, милитаристский дух правящих политических элит изменился мало. Стороны не проявили серьезную готовность к компромиссам во имя мира и прекращения страданий народов.

Провал мирной инициативы привел к укреплению позиций «ястребов» и дальнейшему ужесточению войны. С февраля 2017 г. Германия объявила и начала реализовывать широкомасштабную подводную войну против Великобритании, уничтожая не только военные и мирные корабли этой страны и ее союзников, но и суда торговых партнеров Англии, неучаствовавших в войне, что стало беспрецедентным нарушением норм международного права и агрессивным вызовом всему мировому сообществу. В таких действиях Германия видела единственную возможность подорвать военный потенциал Великобритании и решительно переломить ход войны. Эта амбициозная и близорукая позиция обошлась Германии очень дорого.

Естественно, что ответная реакция не заставила себя ждать. Она проявилась не только в общем ужесточении характера боевых действий на европейских фронтах, но и в переходе лидера мировой торговли и экономики Соединенных Штатов Америки от нейтралитета к союзу с Антантой. 5 (18) февраля американцы разорвали дипломатические отношения с Германией, а 6 (19) апреля объявили ей войну²².

Вступление США в Первую мировую войну на стороне Антанты стало результатом круп-

нейшего стратегического просчета Германии и мощной поддержкой Антанте. Теперь военно-экономический потенциал этого блока намного превышал аналогичный потенциал центральных держав. Исход войны был предreshен, и победа Антанты фактически становилась лишь делом времени.

В течение 1917 г. американцы, поставляя союзникам оружие, боеприпасы, продовольствие, оказывая другую необходимую материальную помощь, неторопливо перебрасывали свои войска в Европу и приступили к активным боевым действиям в основном в 1918 г., когда военно-экономический потенциал Германии и ее союзников еще более ослабел. Их участие в боевых действиях заметно ускорило развязку событий.

В современной историографии можно найти немало негативных оценок внешней политики США в годы Первой мировой войны, обвинений в ее беспринципности, корыстности, аморальности и т. п. Несомненно, что эти обвинения имеют под собой основания. Однако если посмотреть на эту политику с другого ракурса, нельзя не увидеть два значимых факта. Соединенные Штаты с их политикой изоляционизма и торговой экспансии не были непосредственно причастны к развязыванию Первой мировой войны и потому не несли какой-либо ответственности за ее развитие или каких-то специальных обязательств по отношению к каждой из воюющих стран. Но государственное руководство США смогло из сложившейся ситуации извлечь максимальную пользу для своей страны и ее граждан.

Важнейшим фактором, влиявшим в годы войны на международную безопасность, стала внутренняя устойчивость каждой из главных воюющих стран. Война безостановочно перемалывала людские и материальные ресурсы. В кровавую бойню было втянуто свыше 70 млн мужчин цветущего возраста, оторванных от дома и привычного труда²³. Продолжительная война перенапрягла экономику. Жизненный уровень населения существенно опустился. Резко возросло вмешательство государства в общественную жизнь, которая все больше милитаризовалась. Ограничивались демократические свободы. Каждодневные лишения, вызванные войной, вызвали стремительное падение патриотизма, рост антивоенных настроений и выступлений. Забастовки нередко были направлены против политики правительства.

В ряде стран резко обострилась внутренняя ситуация. Военные нагрузки оказались чрезмерными для их экономики, дестабилизирующим фактором стали старые нерешенные еще до войны социально-политические противоречия. Авторитет власти резко падал. Как правило, это были страны «догоняющего» развития. Такой страной была и Россия. В 1916 г. в России бастовало уже свыше 1 млн чел., что превышало число бастовавших в Германии в 8 раз, а во Франции – в 26,5 раза!

Особенностью ситуации в России, приведшей к революции, стало то, что экономические и военные проблемы, трудности и лишения населения, боль утрат родных и близких на войне накладывались на ожесточенную политическую борьбу в верхах политической элиты страны. Противостояние всех политических сил сражающейся России своему правительству, упорное нежелание сторон найти компромисс и единство существенно ускоряли дискредитацию верховной власти среди широких народных масс, порождали антимоноархические, анархистские настроения²⁴.

В результате февральское выступление масс в Петрограде, менее трех лет до того (летом 1914 г.) ярко демонстрировавших свой патриотизм и единение с властью и в верноподданническом угаре громивших германское посольство, удивительно легко смело тысячелетнюю российскую монархию вместе со всеми ее идеологическими основаниями. Этот факт требует серьезного изучения и практических выводов.

Февральская революция оказала заметное влияние на внутреннюю ситуацию в других воюющих странах, а следовательно, и на международную безопасность. Лишь на короткое время, ослабив политическую напряженность внутри России, она в то же время сыграла роль своеобразного детонатора мощного протестного взрыва во многих европейских странах. Быстро росло антивоенное движение, множились революционные выступления²⁵.

И все же революционная волна, прокатившаяся по европейским странам, не смогла смести ни одного политического режима. Революционная стихия постепенно успокоилась. Однако массовые революционные выступления в Европе сформировали у российских большевиков иллюзию близости мировой революции, вдохновили их на активную работу по радикализации масс и захвату власти осенью 1917 г. Позднее, в 1920 году, В. И. Ленин сам признавал это: «Мы и начали наше дело... исключительно в расчете на мировую революцию»²⁶.

Решающую роль в свержении монархии, а затем и в большевистском перевороте в России сыграли вооруженные солдаты и матросы многочисленных тыловых гарнизонов, в частности – почти 200-тысячный гарнизон Петрограда²⁷. Многочисленность гарнизонов в крупных городах объяснялась наличием в них многих запасных полков (пехотных, пулеметных, артиллерийских и др.), готовивших мобилизованный контингент запасников, в основном крестьян, для действующей армии. Кроме того, в городах располагались многочисленные эвакогоспитали, команды выздоравливающих, а потому находилось большое количество раненых и выздоравливающих солдат и офицеров, эвакуированных из частей действующей армии, прошедших суровую школу кровавых боёв и окопных лишений, а потому не имевших особого желания возвращаться на фронт.

Не случайно именно солдаты, как «запасники», так и «эвакуированные», развращенные приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, были наиболее благодатной почвой для агитации леворадикальных политических партий, сначала эсеров, а затем и большевиков. Эти солдаты принимали наиболее активное участие во всех революционных событиях 1917 г.

В других воюющих государствах вооруженная солдатская масса также представляла потенциальную угрозу для власти, однако ее удалось сохранить под контролем, хотя отдельные угрожающие моменты имели место (например, бунт воинских частей во Франции и их «поход» на Париж).

Насколько целесообразно и необходимо было располагать огромные солдатские массы запасников и «эвакуированных» в крупных городах и в особенности в столице – это вопрос, требующий внимания и сегодня.

Одним из важнейших событий Первой мировой войны стал инспирированный пришедшими к власти большевиками сепаратный выход России из войны. Это был тяжёлый удар по Антанте, который вдохновил Германию и ее союзников, позволил им воспользоваться ресурсами России и тем самым усилил и продлил их сопротивление, несмотря на то что преимущества Германии, связанные с лучшей подготовленностью к войне, к этому времени были почти исчерпаны, а стратегические резервы всех видов быстро истощались. Как известно, Антанта смогла не только перенести этот удар, но и благодаря вступлению в войну США сохранить и нарастить свои преимущества в борьбе с центральными державами и в конечном итоге достигнуть победы.

Унизительный Брестский мир привел к потере Россией своего международного авторитета, прежде всего среди своих бывших союзников. Не прибавил он ей авторитета и у новых партнеров, которые относились к ней как к побежденной державе. Он не дал России стабильности, покоя ее гражданам, так как задумывался большевиками для совсем других целей – сохранения любой ценой своей власти в России до «подхода» мировой революции.

Сепаратный мирный договор с центральными державами послужил правовым основанием раздела России, отделения от нее обширных территорий и возникновения на них новых национальных государств, которые, формально получив независимость, на деле стали колониями Германии и ее союзников. Окончательно эти территории для России были потеряны в результате Версальских соглашений 1919 г. Россия сама себя поставила в такое нелепое положение, что ей пришлось быть сторонним наблюдателем раздела собственной территории.

«Похабный» Брестский мир вместе с рядом других факторов привел российское общество к кровопролитной Гражданской войне, а победив-

шая в ней Советская Россия, а потом и Советский Союз на многие годы стали международными изгоями. В целом же выход России из войны негативно повлиял на международную безопасность, нанес существенный вред российской государственности. Исторический опыт «Бреста» предостерегает от сомнительных и чреватых потрясениями межгосударственных сделок.

Рост антивоенных и революционных настроений, вызывавшийся победой революции в России и «Декретом о мире», еще больше осложнил международную обстановку на рубеже 1917–1918 гг. Американский президент В. Вильсон с тревогой отмечал растущее влияние большевистской агитации, превращавшейся в реальный фактор европейской политики.

Определенным ответом на усиливавшийся европейский хаос и попыткой укрепить позиции своей страны в соперничестве с Великобританией и Францией за мировую гегемонию стала знаменитая мирная программа «14 пунктов», выдвинутая президентом США В. Вильсоном 8 (21) января 1918 г. Она предусматривала прекращение войны, вывод войск центральных держав с оккупированных ими территорий и фундаментальную перестройку всей системы международных отношений.

Предлагалось создать универсальную международную организацию Лигу Наций, которая обеспечила бы общие гарантии политической независимости и территориальной целостности как для больших, так и для малых стран. Программа осуждала тайную дипломатию и тем самым наносила удар по секретным договорам, провозглашала «свободу морей» и торговли, подчеркивала необходимость разоружения, открытого и объективного урегулирования колониальных противоречий, предоставления народам Австро-Венгерской и Османской империй автономии, а Польше – независимость. Признавалось право России на самостоятельность своего политического развития²⁸.

Это новаторская для своего времени программа была направлена на кардинальное изменение международных отношений, формирование их прозрачности и управляемости с целью недопущения в дальнейшем спонтанных процессов развития новой мировой войны. Некоторые идеи этой программы пережили свое время, являясь и сегодня важными элементами современной системы международных отношений.

Конечно, выдвигая программу переустройства послевоенного мира, американцы вовсе не были альтруистами. Предлагавшийся новый миропорядок приносил им большие выгоды. Устранение экономических барьеров и свобода торговли, отсутствие войн и политической напряженности позволяли им в полной мере по всему миру реализовывать свои преимущества крупнейшей экономической и торговой державы, не пострадавшей в ходе войны, привязывать к

себе другие страны финансово-экономическими нитями. Тем не менее новый подход при его реализации мог бы существенно укрепить международную безопасность и уберечь народы от новых военных авантюр. Конкуренция ведущих держав переносилась из военно-политической сферы в финансово-экономическую.

Однако в 1918 г. «14 пунктов» В. Вильсона правительствами Англии, Франции, Германии и ее союзниками были встречены прохладно. Повторилась ситуация декабря 1916 г., когда мирные инициативы того же В. Вильсона были отвергнуты всеми воюющими странами, включая и Россию, как недостаточные и неучитывавшие в полной мере их интересы.

Опять сработали национальный имперский эгоизм, полное неприятие компромиссов, азарт игровых, пересиливавшие даже инстинкт самосохранения. Последнее в первую очередь относится к Германии и Австро-Венгрии. И опять уже в который раз кровавые реалии и непоправимые последствия, которые приносил каждый день продолжавшейся войны, в расчет не принимались.

Германия, пользуясь отсутствием восточного фронта, развернула наступление на Париж, даже обстреливала его из дальнбойной артиллерии, но взять город сил уже не хватило. В начале августа Антанта, в войсках которой воевало уже свыше 1 млн американцев, перешла в наступление по всему фронту. Союзники Германии последовательно выбывали из войны. Начавшаяся 3 ноября в Киле революция к 9 ноября докатилась до Берлина. 11 ноября 1918 г. было подписано Компьенское перемирие²⁹.

* * *

Первая мировая война закончилась. Мир разделился на победителей, жаждавших удовлетворения своих победных амбиций, и побежденных, которые неизбежно должны были стать козлами отпущения, виновниками всех бед войны и заплатить за это цену, угодную победителям.

Между ноябрем 1918 г., когда закончилась война, и июнем 1919 г., когда был заключен Версальский мирный договор с Германией, шла острая междоусобная борьба среди победителей за наиболее выгодные для себя условия в послевоенном мире и выгоды, связанные с компенсацией побежденной стороной материальных и моральных потерь, понесенных победителями в ходе войны. В этой борьбе англичане и французы, несмотря на соперничество между собой, выдавали американцев из числа стран, получавших наибольшие выгоды из заключения мира, оставив такие права только себе. Американцам не удалось реализовать многих своих идей, заложенных в программе «14 пунктов», хотя была создана Лига Наций принят ее устав. Поэтому и Версальский договор не стал прорывным документом. Он сохранил в себе практически все основные пороки старого колониального мышления, а значит, и

«новая» система международной безопасности оказалась блефом.

Наиболее унижительными для поверженной Германии стали следующие положения договора:

– Германия потеряла 1/8 часть своей территории как на западе, так и на востоке. На этих землях проживала 1/12 часть населения. Эти территории отошли к Франции, Бельгии, Дании, Чехо-Словакии, Польше, 2 крупных города-порта Данциг и Мемель перешли под управление Лиги Наций;

– территория Германии по левому берегу Рейна и правый берег на глубину 50 км становились демилитаризованной зоной. По настоянию Франции в качестве гарантии выполнения Германией Версальского договора предусматривалась оккупация войсками союзников германской территории к западу от Рейна на 5–15 лет;

– Саарский угольный бассейн отдавался «в полную и неограниченную собственность» Франции. Сама же Саарская область в течение 15 лет должна была управляться Лигой Наций;

– Германия лишилась всех своих заморских колоний, сфер влияния и собственности за пределами страны. Колонии были поделены (в форме подмандатных территорий) между Францией, Японией, Бельгией, Португалией, Великобританией и ее доминионами;

– Германия была разоружена, ей разрешалось иметь лишь 100-тысячную вольнонаемную армию при 4 тыс. офицеров. Значительно сокращался надводный флот, запрещалось иметь подводные лодки. Это же относилось к военной и морской авиации;

– Германия объявлялась ответственной за развязывание Первой мировой войны и причиненный ею ущерб, что создавало правовую основу взыскания с Германии крупных репараций.

Некоторые статьи напрямую ущемляли государственный суверенитет Германии, низводя ее до положения зависимой страны. Рейн, Эльба, Одер, Неман и Дунай, а также Кильский канал объявлялись открытыми для иностранных держав. Авиация стран-победительниц имела полную свободу полетов и приземлений на территории Германии. Запрещались также любые ограничения на ввоз в страну товаров из этих стран.

Не менее тяжелыми и унижительными стали итоги войны и для бывших союзников Германии. Все они подверглись практически аналогичным, а в отдельных случаях и даже более суровым санкциям³⁰.

Таким образом, Версальский мир не только не устранил старых международных противоречий, но и породил значительное число новых, еще более опасных.

Он выявил глубокие противоречия внутри Антанты. Сенат США в ноябре 1919 г. отказался от ратификации Версальского договора. Обиженной чувствовала себя Италия. Ситуацию осложняло появление в результате распада Австро-Венгрии на землях, принадлежавших ранее Германии и

России, целого ряда новых национальных государств: Австрии, Венгрии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Чехо-Словакии, Эстонии. Их границы определялись без учета и согласования национальных интересов. Тем самым были посеяны семена будущих раздоров.

В Германии, Австрии и Венгрии под влиянием военного поражения и российского Октября произошли демократические революции 1918–1919 гг., в ходе которых проявилось и влияние социалистических идей. В 1918 г. произошла революция в Финляндии. В 1919 г. образовался ряд советских республик: в Бремене, Баварии, Словакии, Венгрии. Лишь Венгерская советская республика продержалась более 4 месяцев, остальные существовали по несколько недель³¹. Все эти революции радикализировали массы, усиливая внутреннюю нестабильность в странах, где они происходили.

Первая мировая война и Версальская система международных отношений привела к образованию принципиально новой геополитической ситуации в Европе. Если раньше Францию в ее противостоянии с Германией поддерживала Россия, а островная Великобритания выступала в роли арбитра, стараясь в своих интересах поддерживать равновесие двух континентальных центров сил, то теперь Франция осталась наедине со своим конкурентом, поверженным, но не уничтоженным потенциальным противником – Германией, поскольку у СССР оказались интересы, несовместимые с интересами его старых союзников. Более того, два международных изгоя СССР и Германия, заключив Раппальский мир, начали все более успешно развивать сотрудничество. Великобритания по-прежнему не желала усиления кого-то из своих континентальных конкурентов и далеко не всегда поддерживала устремления Франции, особенно когда они были направлены на дискриминацию Германии. Активное участие в экономическом восстановлении Германии, как и других европейских стран, через план Ч. Дауэса принимали Соединенные Штаты Америки.

Ощущая нарастающую угрозу от восстанавливавшейся Германии, пытаясь заполнить образовавшийся вакуум силы, Франция старалась устанавливать и укреплять союзы с малыми странами Европы (Польшей, Югославией, Румынией, Чехо-Словакией). Однако система этих союзов не могла компенсировать отсутствие такого союзника, каким раньше была Россия. Помня о своих реваншистских устремлениях накануне Первой мировой войны, связанных с возвращением Эльзаса и Лотарингии, Франция прекрасно понимала, что германские реваншистские устремления будут гораздо серьезней, поскольку ее потери от Версальского договора оказались гораздо более существенными.

Послевоенная геополитическая ситуация, наложившаяся на глубокий экономический кризис

конца 1920-х гг., привела к появлению долгосрочных и опасных тенденций общественного развития в Европе – радикализации масс и быстрому развитию тоталитарных идеологий.

Появившиеся во многих европейских странах коммунистические партии и группы, шедшие за русскими большевиками, создали в Москве 26 марта 1919 г. свой III Коммунистический интернационал, основной задачей которого провозглашалось свержение капиталистического общества и победа мировой социалистической революции³².

Почти одновременно с коммунистическим движением в Италии и Германии возникают праворадикальные фашистские движения. Фашисты также критиковали капитализм как систему, но с позиций национальной идеи. Как и коммунисты, они находили поддержку в низах общества, активно используя социальную и националистическую демагогию.

Влияние фашизма быстро усиливалось. Весной 1919 г. бывший социалист Б. Муссолини основал группу «Фашодикомбаттименто» (Союз борьбы), в 1921 г. развившееся на ее основе фашистское движение насчитывало уже свыше 300 тыс. человек, а 30 октября 1922 г. фашисты фактически пришли к власти³³.

Осенью 1919 г. А. Гитлер, демобилизованный из армии, вступил в совсем крошечную Немецкую рабочую партию. В течение 1920 г. ее численность с первоначальных нескольких сотен выросла до 3 тыс. человек. Она стала называться Национал-социалистической рабочей партией Германии, а Гитлер стал ее лидером. В основу программы и практической деятельности партии был положен реванш³⁴. До победы этой партии на выборах в Рейхстаг оставалось всего 13 лет.

Радикализм и авторитаризм набирал силу и в других странах, в них устанавливались диктатуры, полуфашистские и фашистские режимы. Все это только углубляло противоречия между европейскими странами и создавало почву для новых столкновений.

Вашингтонские соглашения, призванные укреплять международную безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и Версальский договор, также были несовершенны и не могли сгладить и тем более ликвидировать противоречия между усиливавшейся, амбициозной Японией, США, Великобританией, Китаем, Францией.

Вся Версальско-Вашингтонская система миропорядка, построенная на эгоистических замыслах ее основателей, неуклонно вела мир к новой мировой войне.

Примечания

¹ Подробнее о международной политике ведущих государств мира в предвоенный период см.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 1. М., 2014. С. 89–175 ; Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1 : Первая мировая война : ист. очерк. 2-е изд. М., 2005. С. 21–100 ; *Ша-*

цилло В. К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 6–94 ; *Мультимули П. В.* «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М., 2014. С. 21–156 и др.

- ² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 9. М., 1967. С. 154.
- ³ См.: История Франции : в 3 т. Т. 2. М., 1973. С. 556–575 ; *Берти Лорд.* За кулисами Антанты : Воспоминания британского посла в Париже. 1914–1919. М., 1927. С. 17–26 ; *Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю.* Новейшая история Великобритании : XX – начало XXI века. М., 2012. С. 11–56 ; *Хейстингс М.* Первая мировая война : Катастрофа 1914 года / пер. с англ. М., 2014. С. 106–122 и др.
- ⁴ См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 419 ; *Ильин С. В.* С. Ю. Витте. М., 2012. С. 473–474 ; *Сидорович Г. П.* Пётр Аркадьевич Столыпин : Жизнь за Отечество : Жизнеописание (1862–1911). М., 2007. С. 357–412.
- ⁵ *Дурново П. Н.* Записка // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 180.
- ⁶ См.: *Чернин О.* В дни мировой войны. М. ; Пг., 1923. С. 17–31 ; *Ватлин А. Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 8–36 ; *Молодяков В. Э.* Первая мировая : война, которой могло не быть. М., 2012. С. 39–62, 112–137.
- ⁷ См.: *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М., 2008. С. 80.
- ⁸ См.: *Jenkins H.* British Rule and Jurisdictions Beyond the Seas. L., 1902. P. 163.
- ⁹ См.: *Рыбачёнок И. С.* Россия и Гаагская конференция по разоружению 1899 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 169–192.
- ¹⁰ Подробнее см.: Гаагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 1А(2) : Гаагская конференция – Кучубей. СПб., 1905. С. 481–483.
- ¹¹ См.: *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М., 2008. С. 81.
- ¹² О Сербии и российско-сербских отношениях конца XIX – начала XX в. см.: *Ловановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ I–III. Београд, 1934 ; *Его же.* Влада Александра Обреновића. Књ I–III. Београд, 1934–1936 ; *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 1994 ; *Попов Б. С.* Балканские страны (Болгария и Сербия) в 1870–1914 гг. М., 1952 ; *Полетика Н. П.* Сараевское убийство : исследование по истории австро-сербских отношений. 1903–1914 гг. Л., 1930 ; История Югославии : в 2 т. М., 1963 ; *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.). М., 1989 ; *Ее же.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996 ; *Павлюченко О. В.* Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987 ; *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements 1806–1914. Cambridge, 1991 ; *Jelavich Ch.* Tsarist Russia and Balkan nationalism. Russian influence in the internal affairs of Bulgaria and Serbia. 1879–1886. Westport, 1978 ; *Шемякин А. Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб., 2002 и др.

- ¹³ См.: Курчатова О. М. Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. и его отражение в государственной политике и общественном мнении России : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 70.
- ¹⁴ Шемякин А. Л. Никола Пашич. 1845–1926 // Пленники национальной идеи. М., 1993. С. 168, 174.
- ¹⁵ Курчатова О. М. Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. ... С. 119–171.
- ¹⁶ Революцию 1917 г. в России в конечном итоге возглавили левые радикалы большевики, в 1918 г. они совершили жестокое убийство российского монарха и его семьи. Раскол в обществе привел к жестокой Гражданской войне, нанесшей России гораздо более существенный урон, чем Первая мировая война. В этой войне проиграли и монархисты, и либералы.
- ¹⁷ Обстановка в Сербии не отличалась стабильностью, там шла постоянная борьба различных группировок. Значительную поддержку в массах и правящих кругах получила идея «Великой Сербии», предполагавшая объединение всех территорий, населенных сербами за пределами государственной границы под общим управлением Белграда. Особенно много сербов проживало на территории Боснии и Герцеговины. Поэтому аннексия этой территории Австро-Венгрией в 1908 г. была воспринята Сербией весьма болезненно. То, что Россия не смогла защитить в этом вопросе интересы Сербии, привело к отрицательным оценкам ее деятельности на Балканах со стороны ряда политиков и военных. В Сербии легально было создано общество «Народная оборона», в которое вошли многие офицеры, государственные и общественные деятели страны. Общество объявило своей целью вооруженную борьбу за возвращение сербских территорий и стало реализовывать эту цель, создавая сербские вооруженные партизанские отряды («комитаджи») и направляя их на территории Австро-Венгрии и Турции. В рамках «Народной обороны» в 1911 г. была создана тайная организация «Объединение и смерть», больше известная под неформальным названием «Черная рука», к ее созданию непосредственно причастен и ряд сербских офицеров, организовавших свержение и убийство Александра Обреновича. Организация занималась политическим террором в соседних государствах. Членами организации были и убийцы наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. См.: Молодяков В. Э. Первая мировая : война которой могло не быть. С. 12–38.
- ¹⁸ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 70–71.
- ¹⁹ Дурново П. Н. Записка // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 180.
- ²⁰ Отмеченные проблемы нашли свое освещение в ряде работ. В частности, см.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 1. М., 2014. С. 369–536 ; Порошина А. А. Первая мировая. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014. В книге А. А. Порошина дается объективный научный анализ профессионального мастерства русского генералитета в годы Первой мировой войны.
- ²¹ Подробнее см.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 3. М., 2015. С. 660–673.
- ²² Подробнее см.: Там же. С. 342–352.
- ²³ См.: Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1 : Первая мировая война : ист. очерк. 2-е изд. М., 2005. С. 505.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: Лобачева Г. В. Самодержавие и Россия : образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX вв.). Саратов, 1999.
- ²⁵ Подробнее см.: Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 30–31 ; История Франции : в 3 т. Т. 2. М., 1973. С. 600–602 ; Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании : XX – начало XXI века. М., 2012. С. 74–75 и др.
- ²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
- ²⁷ См.: Петроградский гарнизон // Великая Октябрьская социалистическая революция : энцикл. М., 1987. С. 395.
- ²⁸ См.: Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 1. М., 2014. С. 575–579.
- ²⁹ Подробнее см.: Там же. С. 578–581.
- ³⁰ Подробнее см.: Там же. С. 586–599.
- ³¹ Подробнее о советских республиках в Европе см.: Service R. Comrades : A History of World Communism. Cambridge, 2007. P. 85–96.
- ³² См.: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 6–22.
- ³³ См.: Китс Дж. История Италии / пер. с англ. М., 2012. С. 178–179.
- ³⁴ См.: Штайнер М. Гитлер / пер. с фр. М., 2010. С. 133–149.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Первая мировая война и Россия (о некоторых уроках событий вековой давности) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 23–34. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-23-34.

Cite this article as:

German A. A. World War I and Russia (on Some Lessons of Century-old Events). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-23-34.